

СВЯТОСЛАВ ЛОРИНОВ

МЁД ЖИЗНИ

ЭКСМО

Святослав Логинов

Замошье

«Автор»

Логинов С. В.

Замошье / С. В. Логинов — «Автор»,

В цикл вошли рассказы: • Комар (1996) • Ящера (1990) • Свечка (1991) •
Дачники (1991) • Изба с краю (1996)

© Логинов С. В.

© Автор

Содержание

Комар	5
Ящера	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Святослав Логинов

Замошье

Комар

Весь август с Петрова дня держалась мокрая жара, травы никак не могли отцвести, а маслята и волнушки в березняке сгнивали, не успев появиться на свет. Зато в сентябре, когда все: и дачники, и деревенские – кинулись на мох за ягодой, в низовом бору высыпало видимо-невидимо лубянок и толстых слизких серух. И хотя Настя знала, что внучка с мужем не сегодня-завтра прикатят забирать клюкву, но всё же отправилась в сосняк. Жить зиму чем-то надо, а кадка, в которой обычно солились грибы, с самой весны сохнет кверху дном в клетушке.

Идти в сосняк тем же путём, что и на мох: полем мимо огородов, а потом через ивовые заросли по дороге, пробитой трактором. Так просто через иву не пройдёшь – кусты переплелись и стали стеной. Сейчас стена поднималась сухая, безлистная и просматривалась насквозь. Кусты погибли летом, после того как полный день кружил над полями самолёт, поливая их сверху какой-то пакостью. Лётчик попался нежадный – досталось и огородам, и ивняку по ту сторону поля. Огороды оклемались, картошка выбросила новую ботву и пошла в рост. Лишь у дачников (свои баловством не занимаются) сгорел горох на грядках. А вот ивняк засох, стоял чёрный и хрусткий. После зимы выгонят в поле коров, Ванька-пастух по бездельной привычке начнёт палить сухую траву, с нею запольхают мёртвые кусты, а там и лес возьмётся негасимым низовым пожаром. Потом на пожарище явится вездесущая ивовая поросль, и через несколько лет всё станет по-старому, только леса будет меньше, а ивы больше. Дело знакомое, так уже бывало.

Налитая водой тракторная колея выходила к лесу и обрывалась. Дальше машине пути нет, трактористы, собравшись за ягодами, оставляли здесь трактора и шли своими ногами. Тропа на мох вводила прямо. Настя сошла вправо, где в черничном кочкарнике приглядела грибные места.

Жёлтая лубянка, каждая побольше блюдца, гриб спорый и чистый. Червь её портит редко, боится белого сока. Попадались и подберёзовики с чёрной головой и синеющей мякотью. Их Настя тоже брала – сушить. А то Леночка приедет, спросит ведь сушёных грибочков. Скоро набирка оказалась полна. Настя присела на поваленную соснину, переложить грибы в заплечный короб.

Сзади захрустели под тяжёлыми сапогами ветки. Нюрка, соседка и дальняя свойственница, перешагнула через соснину и уселась рядом с Настей.

- Ага, – гулким басом сказала она, – а я-то гадаю, кто все грибы обломал...
- Лес большой, – отозвалась Настя. – Всё не оберёшь.
- Не говори, – прогудела Нюрка, – повадилось народу...

Она развязала мешок, принялась быстро перекладывать грибы. Берестяная набирка была у Нюрки чуть не с ведро и короб вдвое побольше Настиного. За глаза Нюрку звали Хап-бабой. Она была чуть не самой молодой в деревне, всего год как вышла на пенсию, и единственная держала справное хозяйство. Остальные по старости и одиночеству уже не могли исполнять всех работ.

– Комарья-то сколько, – ворчала Нюрка, на секунду распрямляясь и отмахиваясь рукой. – Когда они только пропадут, ироды? Сентябрь уже.

- А вот будет январь, так и пропадут, – подзудила Настя.
- Ну тебя, – обиделась Нюрка. – Как ты их только терпишь? Так и вьются над тобой.
- Пусть вьются. Они меня не кусают. Покружат и улетят.

– Ври-и-и!.. – протянула Нюрка. – Вон на лбу сидит, как нажрался.

Настя провела ладонью по лицу, с лёгким удивлением глянула на окровавившиеся пальцы.

– Значит, ему надо, – сказала она.

– Коли надо, зачем раздавила-то?

– А чтобы не хапал больше, чем унести может.

Нюрка поняла насмешку, сердито засопела, отбросила в сторону последний гриб – смявшийся старый подберёзовик с мокреющей губкой, по которой уже ползали жёлтые черви, затащила мешок и поднялась.

– Гляди, Наська, – пробасила она, – доегозишься. Семьдесят лет бабе, а дурная, ровно девчонка.

– За мою дурь с меня и спросится, – ответила Настя и тоже поднялась.

Добрать опустевшую набирку было делом нескольких минут, и Настя двинулась к тропе. Уже при самом выходе ей снова повстречалась Хап-баба.

– Наська! – крикнула она издали. – Я там комара пришибла! На тропе лежит, бедненький, смотри не задави!

Вот шалая баба! Настя в сердцах плюнула и пошла в сторону деревни. И лишь через несколько шагов поймала себя на том, что зорче обычного смотрит под ноги, словно и впрямь может среди стоптанного мха угледеть прибитого Нюркой комара.

На болотную ягоду год случился удачным, и хотя целыми толпами бежали с поезда городские, Насте они не были помехой. Пришлых поджимал обратный поезд: не поспеешь на «шанхай» – куда деваться с ягодой? Городские паслись по окраинам, лишь длинноногие мужики успевали дошагать к островам в середине мха, но времени им оставалось совсем немного, и, стоптав ягоду, мужики убегали пустые.

Настя же, натянув поверх сапог сшитые из пластиковых мешков чулки, захаживала в такие места, где другие старухи опасались появляться. Парни в высоченных болотниках, конечно, портили ягоду и там, но всё стоптать не могли, так что меньше чем по ведру Настя со мха не притаскивала. Нюрка тоже не боялась мокреющих мест, и иногда Настя замечала посаженный на верхушку усохшей сосенки ком мха, а где-нибудь неподалёку и согнутую спину товарки. Подходить друг к другу на мху, выхватывать из-под рук ягоду было не принято, и Настя сворачивала в сторону.

Осень шла богатая. В холодной кладовке добирался второй мешок клюквы, в кухне над печкой множились вязки чёрных грибов. Двухведёрная кадушка была уже полна, и пожелтевшие лубянки доходили под толстым слоем смородинного листа. Со дня на день должна была приехать Леночка.

К концу сентября пошли заморозки, по утрам трава седела инеем. Грибы пропали, только городские ковыряли зеленухи и опят, которые Настя за тонконогость почитала поганками. Зато клюква размягчела и стала сладить, на неё слетелась вся птица, клики журавлей прорезали холодный утренний туман.

Настя с мешком за плечами возвращалась со мха. Издали она заметила, что верхушки яблонь в саду возле дома ходят ходуном. По тому, как открыто, по-хозяйски обтрясали яблони, Настя сразу поняла, что Леночка приехала.

Возле дома стояли сколоченные из брёвен тракторные санки. На краешке санок сидел зять Володя и сосредоточенно курил. Увидав Настю, он поднялся.

– Вот и хозяйка! – сказал он. – А я уж хотел уезжать не повидавшись.

Леночка, разроняв собранные яблоки, бежала из сада.

– Бабуля! А я ключей не нашла!

– Ты ещё реже приезжай, так и вовсе позабудешь, и где ключи лежат, и где дом стоит.

Дома Настя первым делом стала затапливать печь. Раз приехала Леночка, значит, на столе должна быть драчёна. В плите её как следует не изловишь.

Володя вытащил и уложил на санки оба клюквенных мешка.

– Негусто, однако, – заметил он. – Знал бы, что тут столько, Саню с трактором подрыгать бы не стал.

– Бабушка, это что, всё?.. – страшным шёпотом спросила Леночка. – Тут только-только самим хватит! Я же тебе говорила, что в этом году за сданную клюкву сапоги итальянские дают.

– Ноги за сапогами не ходят, – сказала Настя. – Молода была, так зараз по полмешка приносила.

– Пять рублей ведь Сане отдал, – посетовал Володя. – Ему всё равно, на тракторе сколько везти.

– Яблок возьми, – сказала Настя.

– К бесу яблоки, – вдруг оживился Володя, – ты, баб Настя, лучше скажи: лук родился?

– Родился. Возьми, сколько там надо...

За молоком и яйцами для драчёны пришлось бежать к Нюрке. Сама Настя не справлялась уже с коровой, а в этом году и кур не завела. Только поросёнка за пятьдесят рублей купила весной. Яичками, молоком и сметаной на скоромные дни приходилось одалживаться.

Леночка уныло ковырялась в сковородке. Уплывшие сапожки не давали ей покоя. Володька быстро, почти не жуя, глотал куски драчёны.

– Эх, – сказал он вдруг, – такая знатная закуска и всухую пропадает!

Настя промолчала.

– Ну ладно, не жидись, – настаивал Володька. – Я же знаю, у тебя есть.

– Ты, что ли, привёз? – хмуро спросила Настя.

Водка у неё действительно была. Целая, ещё непочатая поллитра. Но сравнить её Володьке Настя никак не могла. Пора уже навоз под будущую картошку в огород вывозить, это значит, идти к Ваньке-пастуху или к одноглазому Лёхе в Андреево. А теперь, после постановления, мужики за деньги стараться не будут. Ныне в деревне без водки никуда. Не Володька же будет таскать навоз. И Настя осталась сидеть, не пошла за припрятанной бутылкой.

Володя понял, что угощения не будет.

– Жадная у тебя бабка, Леночка, – сказал он, вылез из-за стола и исчез в сених.

Под окном затарахтел Санькин трактор.

– Вы уже? – спросила Настя. – И не заночуете?

– Я останусь до завтра, – успокоила Леночка. – А Володя поедет. Ему с утра на халтуру надо.

Настя убралась с посудой, вышла в сени. Все двери: на улицу, в хлев, кладовку – были распахнуты. Леночка, стоя посреди кладовки, сосредоточенно запихивала в мешок заплетённые в косы вязки чеснока. Два мешка с луком уже стояли рядом с клюквой. Красный от натуги Володька, обхватив двумя руками кадушку с грибами, волок её к саням.

– Кадушку-то куда? – тихо ахнула Настя.

– Не бойсь, никуда твоя кадушка не денется, – отдуваясь, сказал Володя. – Сказал, что привезу обратно, значит, так и будет.

Настя больше не вмешивалась и не помогала. Она только стояла и смотрела.

Встала на сани кадушка, рядом поместились три ведра пареной брусники и перевязанный старой юбкой короб с набранными Леночкой яблоками.

– Ой, тяжело как! – сказала Леночка. – Ведь в поезд не сядешь.

– Ничего, мужики на станции пособят, – успокоил Володя.

Он уселся на соломе рядом с вещами, обняв их, сколько мог, чтобы не попадали от толчков, и кивнул ожидающему в тракторе Сане. Трактор дёрнул, санки, оставляя в земле две глубокие борозды, потащились следом.

- Как он там справится, бедный? – сказала Леночка.
- Грибы сушёные забыли, – словно отвечая ей, проговорила Настя.
- Ничего, они не тяжёлые. Я завтра поеду – захвачу.

Настя обошла дом, аккуратно прикрывая распахнутые двери.

Володька уехал – ну и ладно. Теперь они вдвоём с Леночкой посумерничают. Загребущие всё-таки руки у парня. Надо же, дубовую кадушку уволок! И назад не привезёт. Поленится. Теперь грибы в ведра запасать придётся. Лубянок уж не найти, остаётся опять брать. Ну так что ж, другие берут и хвалят. Опёнок, хоть и малый гриб, но тоже спорый, кучами растёт. Только сегодня, возвращаясь со мха, Настя заметила здоровенный выворотень, весь жёлтый от молодых опят. Вот и пригодится находка, всё-таки зима будет с грибами.

Леночка, отправившаяся в обход дома, спустилась с чердака.

– Что я нашла!.. – сказала она. – Там наверху ещё мои куклы лежат. Я думала, их давно в печке пожгли. А они лежат.

- Пусть лежат, – сказала Настя. – Пригодятся.
- Ты у меня запасливая! – засмеялась Леночка. – Пойдём чай пить.

Ночью спалось плохо. Вроде бы вечер прошёл как надо, за чаем и разговорами, а спалось плохо. Мыши ли громче обычного шуршали за обоями, или слишком жарко было в дважды топленной избе, но уснула Настя далеко за полночь. И почти сразу проснулась от того, что сквозь сон ей почудился тонкий, зудящий комариный писк. Хотя какие тут могут быть комары? Пропали комары давно.

Настя медленно провела ладонью по лицу и вздрогнула, почувствовав, что пальцы стали влажными и липкими. И так странно знакомо было это ощущение, что Насте померещилось, будто она различает в сплошной тьме кровавые пятна на концах пальцев.

- Зачем раздавила-то? – вспомнился Нюркин голос.
- А чтобы не хапал больше, чем унести может...

Настя поднялась с постели. Непонятная тоска холодными пальцами сжала грудь. Шумно сдвинув стул, Настя сделала в темноте три шага, опустилась на холодные плахи пола. Где-то впереди, в красном углу висели иконы. Настя не часто вспоминала о них. По праздникам ходила в церковь в Погост, остальные дни обходилась так. Домашнее благословение не казалось святым, и когда, случалось, по одиночеству Настя беседовала с ликами, то в этих разговорах было немного почтительности. Егория-победоносца фамильярно звала судариком, Николу – старичком, Деву Марию – так и вовсе «девахой».

- Что, деваха, жалеешь своего парня-то? – спрашивала Настя, обтирая пыль. – Жалей.

И вот теперь, стоя на коленях перед невидимыми досками, Настя била поклоны, не зная, на что жаловаться, чего просить.

Леночка заворочалась под одеялом и, проснувшись, испуганно позвала:

- Бабуля, ты что?..
- Грех... – выдавила Настя.
- Да какой у тебя грех? – Леночка нашарила на столе коробок, зажгла спичку.
- Комара убила. Совсем, насмерть.
- Ты что, с ума рехнулась?!

Леночка прошлёпала босыми ногами к выключателю. Комнату залил яркий, чужой свет.

- Что ты, бабуля, опомнись, какой комар?
- Комар, – повторяла Настя. – Он ко мне по-хорошему, без трактора, а я его насмерть убила. Грех...

Ящера

Последние сотни метров дались особенно тяжело, кочкарник шёл как специально неровный, выдёргивать ногу из хищно хлюпающего мха было всё труднее. А под конец у самого берега, как это обычно бывает, встретилась топкая полоса, и пришлось тащиться вдоль неё, выискивая упавшую берёзу. И как странно было почувствовать под ногами твёрдую землю, идти, удивляясь быстроте и лёгкости ходьбы.

Впрочем, лёгкости хватило ненадолго. Крутой, словно искусственно насыпанный склон и высокая, никогда не кошенная трава останавливали не хуже болота. Пройдя лишь несколько метров, мужчины, не сговариваясь, опустились на землю, оставили туески, на дне которых перекатывались шарики морошки, и освободились от рюкзаков, полных всё той же твёрдой ягоды. Георгий принялся с кряхтением стаскивать сапоги, Артём знающий, сколько ещё предстоит идти по мокрому, благоразумно не стал разуваться.

Дети же повели себя совершенно по-разному. Андрюха, впервые попавший в подобную передрагу и не нашедший никакой прелести в хождении по болоту, даже не вышел на материк, красный и потный уселся на валежине, зло отмахиваясь от наседавших слепней. Даша, ради которой, собственно, был сделан этот почти двухкилометровый крюк, сначала вертелась вокруг Андрея, уговаривая его скорее бежать на вершину, где земляника и откуда всё-всё видно, но Андрей и от неё отмахивался, словно от кусачей мухи. Поняв, что от Андрюшки толку не добьёшься, Даша ускакала на вершину одна. Вскоре сверху донёсся крик:

– Папа, гляди, где я!

Артём отыскал фигуру дочки среди ветвей и крикнул:

– Молодец!

– Смотри, куда забралась? – удивился Георгий. – Как бы не убилась...

– Не убьётся, – успокоил Артём. – У неё тут все деревья освоены. Тарзанит всюю, совсем одичала.

Мимо с независимым видом прошёл Андрей. Земляника и неохватные сосны с толстыми, удобными для лазания сучьями соблазнили и его.

– Пошли и мы, – позвал Артём. – С вершины вид потрясающий.

– Чего смотреть-то? Болото, – сказал Георгий, но тоже поднялся.

Остров, к которому они так долго шли, представлял собой крутой холм, метров на двадцать взлетающий над окрестными мхами. Он плотно зарос строевым лесом и от этого казался ещё выше. Было совершенно невозможно понять, как на ровном месте могла образоваться эта чудовищная по величине и к тому же совершенно правильной формы куча песка.

Тяжело дыша, мужчины выбрались на вершину.

– Да!.. – потрясённо протянул Георгий.

Одно дело знать, что находишься в самом сердце мохового болота, рассуждать, что в длину в нём километров сорок, а в ширину чуть меньше десяти, – другое дело увидеть это своими глазами. Пейзаж, казалось бы, примечательный лишь своим однообразием, в таких масштабах обретал значение вселенского символа. Всюду, покуда различал взор, топорщили японски изогнутые ветки, усаженные почернелыми старыми шишками, чахлые, в рост человека сосенки. Свободные от карликовых сосен мокрые речажины уходили вдаль длинными ярко-зелёными языками. Пятна высокого красного мха казались каплями охры, сорвавшимися с кисти титанического живописца, осмелившегося писать этот слишком большой даже для него простор. И без того далёкий лес отодвинулся ещё дальше, окунувшись в голубой туман горизонта. Лишь несколько островков вроде того, на котором они стояли, но поменьше, создавали необходимую каплю разнообразия.

– Страшно, – сказал Георгий, кивнув вниз. – Туда спустишься, и ты как на блюде у кого-то. Или, ещё хуже – под микроскопом. Ты – инфузория, а оно сверху, огромное. Теперь понимаю, почему предки бога изобрели.

– Лось бежит, – перебил Артём, показывая пальцем на серое пятно, плывущее среди засохших вершинок. – Ребяшня, лося видите?!

– Ура!.. – завопили с соседних деревьев.

Лось продолжал двигаться, не меняя хода, и вскоре скрылся за одним из островов.

– А ведь нам пора, – спохватился Артём. – Дома уже волнуются, что нас с детьми так долго нет.

Когда они спустились вниз и гуськом двинулись по вымешенной ногами ягодников моховой тропе, Артём произнёс, обращаясь сразу и к товарищу, и к обоим детям:

– Больше всего меня на мху поражает несоответствие огромного пространства и тщательности отделки деталей. Видели, сколько здесь всего, а ведь любая нитка плауна ювелирно отделана, всякая сосенка в сад камней просится, на каждой кочке росянка ютится, пьяника, другая травка. Лягушата разные...

– И слепни, – вставил Андрюха.

– И слепни тоже, – согласился Артём. – Живут, чем-то кормятся, ведь не нами же, мы для них – так, заблудший деликатес. Только тут понимаешь по-настоящему, что природа не для людей, а сама по себе. Все эти лоси, кабаны – они здешние, а мы – гости...

– Мой Андрюшка, когда маленьким был, – вставил Георгий, – не верил, что звери действительно в лесу живут. Утверждал, что они только в сказках по лесу бегают, а взаправду живут в зоопарке.

– Подумаешь, – сказал Андрей. – Ты так и сейчас веришь в динозавров. Будто в Африке динозавры водятся.

– А что? – возразил сыну Георгий. – Запросто. Видал, какая здесь глухомань? А в Африке болота во сто крат больше здешних, а людей во сто раз меньше. К тому же дикари, необразованные. Нашли же в Южной Америке тапира, так почему не найти и динозавра?

– Ты ещё про целакантуса расскажи, – подначил учёный сын, – и про дракона с острова Комодо.

По всему было видно, что Андрюшка не раз слышал отцовские доводы и изрядно наскучил ими.

– Вот она – современная молодёжь, – нравоучительным голосом лицемера сказал Артём, – полагают, что всё в мире уже открыто и упрятано в зоопарк. А между тем вовсе не обязательно ездить за динозаврами в Африку. Или ты думаешь, наши места менее глухие? Или деревенские бабки сильно образованные? Вон, Дарья Артемьевна соврать не даст, они тут все вместо «маринованные грибы» говорят «эмалированные».

– Что-то ты не туда разогнался, – Георгий не мог спокойно наблюдать профанацию любимой идеи. – Для динозавров здесь слишком холодно, а старухи местные хоть и малограмотны, а в родных местах каждую травинку знают. Знахарки все подряд.

– Не говорил бы, чего не понимаешь, – снисходительно усмехнулся Артём. – Вот, определи, что это за трава?

– Дудка! – в один голос откликнулись Георгий с сыном, а Андрей добавил:

– Мы не бабки, можем и не знать.

– Вот и неправда! – закричала Даша, замороженно слушавшая отца и ожидавшая минуты, чтобы встрять и поразить присутствующих своими знаниями. – Это горичник болотный, у него стебли красные, а на горе большущие дудки – дягиль лекарственный, а у деревни в старом мочиле – вех ядовитый, а вдоль дороги – купырь лесной и тмин. А называются они зонтичные, потому что у них наверху зонтик, как у укропа. И морковка тоже зонтичная, и пастернак, только у них зонтики на другой год бывают!..

– Видите?.. – засмеялся Артём. – Дашка всё знает, а попробуй местных спроси – тот же ответ: дудка. Есть у нас в Замошье одна – Панька. Знахаркой слывет, чуть не ведьмой. Я с ней говорил, так для неё и репей, и татарник, и даже лесной василёк – все на одно лицо, всему одно название – колючий дед! А вы говорите: динозавры вымерли. Хотя здесь их действительно нет, – продолжил он, перейдя на задумчивые и даже печальные интонации, как говорил всегда, когда начинал импровизировать какой-нибудь, чаще всего бесцельный розыгрыш. – Прав Жора, холодно для них. Здесь царство земноводных: тритоны в каждой луже, лягушки так изпод ног и брызжут. И сохранились здесь древнейшие земноводные, а вовсе не рептилии.

– Величайшее открытие века – неведома лягушка! – проскандировал Андрюха.

Артём прикинул, что они уже незаметно прочвакали почти полпути до леса, и, вздохнув, сочувственно обратился к Георгию:

– Плоховато твой сын естественную историю знает. Объяснил бы ты ему, что был когда-то за Земле каменноугольный период, и жили тогда стегоцефалы – симпатичные такие зубастые лягушата, а вернее – тритончики, длиной до пяти метров...

– Правда? – восторженно переспросила Даша.

– Чего мне врать-то?

– И ты говоришь, они тут сохранились? – спросил Георгий.

Было непонятно, спрашивает ли он всерьёз или разгадал приятеля и подыгрывает ему.

– Пятиметровых теперь, конечно, не встречается, – отступился Артём, – а вот метр, даже полтора, это запросто. Местные их называют гадами, как змей. А иногда говорят: ящера. Ящера – маленькая, так обычных ящериц кличут, а ящера – большая, это стегоцефал. Лежит такая тварь в мокрой траве, пасть распахнута – живой капкан, да и только. Его не заметишь, пока прямо на хвост не наступишь.

– И тогда он тебя слопает.

Артём не разобрал, кто сказал это, но среагировал мгновенно:

– Нет, конечно. Стегоцефалы добычу целиком глотают, так что человека ему не одолеть, разве что Дашку. Они лягушек едят, зайца могут схватить зазевавшегося, куропатку. Ну, ещё пададь едят, дрянь всякую.

– Чего тогда его бояться? Пойти да поймать... – голос Андрюхи звучал неуверенно, боясь, что его сейчас поднимут на смех, он оставлял себе путь к отступлению, но серьёзный вид взрослых и правдоподобные детали начинали убеждать.

– Ты попробуй. Во-первых, стегоцефал зверь редкий, можно здесь всю жизнь прожить и ни одного не увидеть. На открытый мох он не выползает, в сухом лесу не встречается, прячется в кустах у речажин, в мокрых завалах. Ты там без топора шагу не сделаешь, мимо пойдём – покажу. К тому же стегоцефалов ловить не так уж безопасно. Это тупая тварь, хватает всё, что движется. Стегоцефал – значит плоскоголовый. Здоровая зверюга, а ума ни на грош. Я с ними дважды встречался, и охоты их ловить эти встречи мне не прибавили. Первый раз я просто струсил и удрал. А второй и того хуже. Я его не заметил, так он мне в сапог впился. Приличный экземпляр – сантиметров семьдесят. Сапог прокусил, я еле ногу успел вытащить. Потом полчаса мучился, пока сапог отнял.

– Зачем отнимать, он всё равно уже прокушенный, – скорее для порядка придрался убеждённый рассказом Андрей.

– Что же мне потом в одном сапоге тащиться? Но главное не это. Желудок у стегоцефала, конечно, лужёный, что угодно переварит, но резинового сапога и ему не осилить. Заглотал бы сапог, а потом издох. Жалко.

– Я бы, – сказал Андрей, – схватил его, когда у него зубы в резине увязли, и связал.

– Чем? Штанами? – вмешался Георгий. – А потом тащил бы его на руках. Сколько там было вёрст?

– Пять.

– Вот именно. Тоже удовольствие хорошее.

– Я бы всё равно его поймал, – не сдавался Андрюха, но тут же, спохватившись, невпопад брякнул: – Только никаких стегоцефалов нет, это вы выдумываете.

– Есть! – сказала Даша. – Я сама видела. Вот такой, – она развела руки. – Только я думала, это крокодил. Он в кустах за деревней у ям, где раньше лён мочили, прячется.

«Вот и союзник появился», – подумал Артём, а вслух сказал:

– Зачем его ловить, пусть себе живёт. Сами подумайте, мы в Европе. До Питера триста километров, до Москвы немногим больше. Если там узнают о доисторических чудовищах, сюда миллион самодельных натуралистов нагрянет. Каждый первым делом захочет чучело набить. Так они за месяц не только стегоцефалов, но и простых лягушек повыведут.

Беседуя таким образом, путешественники добрались к следующему острову, низкому и болотистому, где, словно подтверждая слова Артёма, на каждом метре тропки нежились в лучах низкого солнца десятки разнокалиберных лягушек. Затем тропа по широкой дуге огибала повалившийся горелый лес. Покрытые мохом деревья лежали внахлёт в несколько ярусов. Мох и мелкая травка нивелировали местность, путь казался довольно ровным, так что Георгий неосмотрительно предложил пройти напрямиком.

– Давайте, – согласился Артём, но сам остался на тропе.

Андрюха, балансируя на стволах, углубился в завал метров на пятьдесят, но потом сорвался и по пояс провалился в выгоревшую яму, по счастью сухую.

– Хватит, – испугался Георгий. – Ноги переломаем.

– Скажи лучше – стегоцефал утащит, – добавил Андрей.

Они сняли Дашу, качавшуюся, как на качелях, на конце елового хлыста, и вернулись на тропу. Дорога, обходя гиблое место, вывела их к лесу. В лесу уже начинало заметно темнеть, так что разговор сам собой прекратился. Лишь когда они вышли в поле и вдали в призрачном свечении белой ночи обозначились шиферные прямоугольники деревенских крыш, Даша спросила:

– Папа, а если стегоцефала очень-очень хорошо кормить, он пять метров вырастет?

– Вряд ли, – ответил Артём. – Уцелела только мелкая разновидность. Полтора метра – предел. А что, тебе мало?

– Мало, – вздохнула Даша. – Я хочу пять.

– Да нет никаких стегоцефалов! – жалобно выкрикнул Андрюшка. – Дядя Артём, ведь это вы смеётесь!

– Я смеюсь? – удивился Артём. – Ничуть. Я серьёзен как никогда. Я даже ни разу не улыбнулся. А тебе, друг мой, не мешало бы осознать, что природа, равно как и наука, умеет много гитик. Скажи, где пролегает северная граница распространения цикады?

– Я почём знаю? – буркнул Андрюшка.

– Так я подскажу. На широте Москвы. Вернёшься в город – проверь в энциклопедии. А сейчас дойдём до поворота – и сам услышишь.

Они прошли ещё немного, Артём остановился, повелительно поднял ладонь. И словно в ответ на этот знак из травы грянул такой оглушительно-переливчатый серебряный звонок, что он сразу заглушил и самозабвенное стрекотание кузнечиков, и скучную песню коростеля, сходную с треском заводимых часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.